

«ВСЕОХВАТНЫЕ» ПАРТИИ: УСТАРЕВШИЙ ТЕРМИН И СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ

Григорий Голосов

Григорий Голосов — доктор политических наук, профессор факультета политических наук и социологии Европейского университета в Санкт-Петербурге, директор Межрегиональной электоральной сети поддержки (МЭСП). Член Научного совета Российской ассоциации политических наук. Член редакционного совета журнала «Party Politics», международный консультант редакции журнала «Europe-Asia Studies».

Понятие «всеохватной» партии (catch-all party) было предложено Отто Киркхаймером для описания специфической ситуации, сложившейся в 1950-х годах в некоторых западноевропейских социал-демократических партиях, прежде всего — в Германии. Для понимания контекста употребления этого термина следует обратиться к ряду понятий, разработанным другим видным исследователем партийных структур 1950-х годов, Морисом Дюверже.

Дюверже vs Киркхаймер

Дюверже выделял два типа партий — кадровые и массовые. Кад-

ровые партии представляли собой узкие по составу объединения политиков, финансистов, журналистов и других представителей элит (нотаблей), целью которых являлась победа на выборах.

В конце XIX—начале XX века после предоставления права голоса экономически непривилегированного населения получает распространение массовая партия. Массовые партии были преимущественно левыми по идеологическим ориентациям (хотя сходные структуры сформировались в некоторых конфессиональных и крайне правых партиях).

Уже в 1920-е годы выявилось явное организационное преимущество массовых партий по сравнению с кадровыми, которые постепенно стали обзаводиться более четко выраженными идеологическими позициями и электоральными базами. Казалось, что будущее — за массовыми партиями. К такому выводу склонялся Дюверже.

Ирония истории состоит в том, что именно в 1950-х годах началась стремительная дезинтеграция организационной модели массовой партии. В «государстве всеобщего благосостояния» жизненные стандарты рабочих и среднего класса сблизились. Многие из ранее эффективных идеологов утратили убедительность. Снизилась ценность идеологии как средства поддержания организационной стабильности массовых партий.

В этих условиях возникла новая организационная модель:

В прошлое ушла организационная модель массовой партии, а вовсе не идеология

партия, которая, удерживая некоторые организационные характеристики массовой (прежде всего, массу членов), стала идеологически гибкой. Именно такую партию Киркхаймер назвал

«всеохватной». А поскольку ранее многие кадровые партии уже сформировали сходные организационные структуры, но идеологической жесткости так и не приобрели, то «всеядными», с точки зрения Киркхаймера, оказались почти все партии Западной Европы.

Однако сегодня совершенно ясно, что подход Киркхаймера носил ситуационный, исторически ограниченный характер. Он предъявляет завышенные требования к партийной идеологии, по сути дела признавая идеологической лишь партии, соответствующие массовым партиям первой половины XX века.

Профессионализация партийной жизни

Между тем, демонтаж массовой партии не привел к исчезновению идеологии как центрального фактора электорального процесса. В терминах Энтони Даунса, идеология остается важным «упрощающим устройством», позволяющим избирателю сделать выбор, не вникая в тонкости партийных программ по отдельным вопросам. Данные массовых опросов недвусмысленно показывают, что даже политически неискушенные избиратели легко понимают идеологическую разницу между консерваторами и лейбористами в Великобритании, неоголлистами и социалистами во Франции, консерваторами и социалистами в Испании. В США, где массовых партий никогда не было, а основные партии отно-

сятся к совершенно особому организационному типу, роль идеологии заменяла так называемая «партийная идентификация».

Таким образом, в прошлое ушла именно организационная мо-

дель массовой партии, а вовсе не идеология как таковая. В современном мире индоктринацией занимаются преимущественно СМИ, а членская база партий играет довольно скромную роль, сохраняясь только в качестве унаследованного ресурса.

По своим основным характеристикам современные партии принадлежат к типу, который Анжело Панебьянко предложил называть «электорально-профессиональной партией» – узкого объединения профессионалов, ориентированных на достижение электорального успеха.

Во многих отношениях этот тип возвращается к традиционной модели кадровой партии. Но если в кадровой партии промышленники, журналисты и адвокаты становились политиками лишь на время избирательной кампании, то электорально-профессиональная партия строится на постоянно действующем штате политических организаторов с жестким разделением функций и высокими квалификационными характеристиками персонала.

«Всеохватная» партия принадлежит к числу понятий политической науки, разработанных на основе частных наблюдений за политической жизнью зрелых демократий. В Восточной Европе и странах бывшего Советского Союза не было и не могло быть «всеохватных» партий просто потому, что не было исторически предшествовавших им массовых. Так называемые «партии-преемницы», унаследовавшие некоторые ресурсы коммунистических партий, не стали массовыми в организационном плане. У наиболее успешных из них (скажем, в Венгрии) членская база ничтожна по сравнению с размером электората, а механизмы партийной индоктринации полностью демонтированы. Это – современные электорально-профессиональные партии с некоторым историческим флером.

При этом восточноевропейские партийные системы в большинстве своем отличаются вполне выраженными идеологическими размежеваниями. Для венгерского или чешского избирате-

ля, как показывают опросы, различия между правыми и левыми не менее важны, чем для французов или немцев.

Россия: особый случай

На этом фоне современная Россия выделяется большой архаичностью партийных структур. По

«Единая Россия». Функционально она представляет собой механизм обеспечения электоральной и законодательной поддержки исполнительной власти. Отсюда вытекают ее подчиненность административному аппарату власти. Электоральная поддержка ЕР базируется на трех факторах:

Несмотря на то, что европейские партии изменились, съезды они проводят с завидной регулярностью

основным параметрам партии, сложившиеся в 1990-х годах, почти точно воспроизводили традиционную модель кадровой партии: группы «нотаблей» объединялись для участия в избирательной кампании, не ведя никакой работы между выборами. Понятно, что отсутствие профессионализации российских партий было в значительной мере обусловлено доступностью коммерческого политического консалтинга.

В начале нынешнего десятилетия российские законодатели, реализуя вполне понятное на первых порах стремление упорядочить поле партийных альтернатив, обременили партии обязательством обзавестись 10000 членов. Затем планка была поднята до 50000, что имело совершенно иную цель – создание постоянно действующего механизма для устранения нежелательных политических партий.

Однако в поле существующих у нас идеологических альтернатив (капитализм – социализм и либерализм – этатизм) российские партии позиционируют себя вполне отчетливо.

Особый случай – это партия

личной популярности Владимира Путина, административных средствах достижения результата на выборах, а также деполитизации населения в условиях восстановительного экономического роста. Для двух из этих факторов идеологические позиции ЕР не имеют значения, а по отношению к первому наличие идеологии не пошло бы ей на пользу, ибо, согласно опросным данным, Путин популярен в разных идеологических сегментах общества.

Отсутствие у «Единой России» четких идеологических позиций не означает, что она является «всеохватной» партией, если оставлять этому термину конкретное содержание. При этом ЕР имеет перспективы трансформироваться в современную электорально-профессиональную партию. Для этого ей нужно перестать быть «партией власти», обретая автономию от государственного административного аппарата. И чтобы не уйти одновременно с потерей этого статуса в небытие, без альтернативных средств электоральной мобилизации, на первом месте среди которых стоит идеология, ЕР не обойтись. ■